

ПРОБЛЕМА УПОТРЕБЛЕНИЯ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Постановка проблемы. Текст произведения художественной литературы традиционно принято отличать от понятия «текст» как таковой прежде всего по принципу именно художественности, то есть – эстетической сообразности. Разумеется, «каждая эпоха выдвигает свое представление о границах использования в художественных произведениях разных лексических пластов»¹. Но вместе с тем уже довольно давно в науке о литературе устоялось некое убеждение, что для художника слова нет запретов, что он волен делать с языком всё, что ему заблагорассудится. ««Впитывая» в себя разные формы речи внехудожественной, литература легко и охотно допускает отклонения от языковой нормы и осуществляет новации в сфере речевой деятельности»².

Эта общая установка, как правило, иллюстрируется разного рода неологизмами, варваризмами и прочими элементами речи внехудожественной, но все-таки – общепринятой.

Несколько иначе выглядит вопрос применения в литературном произведении такого пласта речи, который всячески маскируют в наименованиях: речь нецензурная, непарламентская, табуированная, обценная, митирогнозии и тому подобное. Современный теоретик литературы по этому вопросу ограничивается только простой констатацией факта: «Если Пушкин и его современники употребляли ее в частной переписке, в шуточных стихах, в дружеских посланиях, не предназначенных к печати («домашняя семантика», по определению Ю.Н. Тынянова), то сегодня она встречается в тиражированных литературных произведениях»³. Как говорится, по comment.

А почему? А по той простой причине, что употребление так называемых нецензурных, а проще говоря – матерных выражений в бытовом сознании является приметой грубости, невежественности – и уж конечно нехудожественности. Больше того, употребление нецензурной брани в общественном месте по действующему законодательству Украины и России наказывается.

То есть, материться в приличном обществе нельзя. Это табу. Один известный критик шоу-бизнеса, известный во многом еще и своим свободным словоупотреблением, однажды начал крыть матом по телевидению в прямом эфире – и все

¹ Клинг О.А. Словарь поэтический // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк.; Издательский центр «Академия», 1999. – С.348.

² Хализев В.Е. Теория литературы. Учеб. – М.: Высш.шк., 1999. – С.230.

³ Клинг О.А. Словарь поэтический // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк.; Издательский центр «Академия», 1999. – С.347.

СНГ это слышало. Через год в аналогичной передаче зрители увидели того же критика, но он сидел с демонстративно заклеенным ртом.

Однако табуированная лексика существует, видимо, во всех языках мира, чаще всего она имеет характер эротический. А поскольку она употребляется в быту, то и писатели, претендующие на то, чтобы отражать реальную жизнь во всех ее проявлениях, вынуждены были так или иначе отражать эту реалию в своих произведениях. Известно, что еще древнеримские авторы не чуждались такого рода словоупотребления в своих текстах, например, Марциал отдал этой теме довольно много творческих сил. В русской поэзии был автор, которого Пушкин считал своим учителем поэтической речи, а он известен прежде всего как создатель поэмы «Лука Мудишев», которая долгие десятилетия ходила только в рукописных списках, поскольку она носит характер вполне порнографический.

Вопрос продолжает быть достаточно болезненным: считать ли применение матерных выражений в художественном тексте нормой или же относить такого рода тексты к явлениям маргинальным?

Существует в литературоведении позиция, объясняющая такого рода тексты причинами внелитературными. Например: «в сочинении такого рода поэм и стихотворений находит выход стесненная тяжелой общественной атмосферой энергия протеста»⁴. Или даже больше того: «Анти-поведение всегда играло большую роль в русском быту. Очень часто оно имело ритуальный, магический характер... Анти-поведение признавалось уместным и даже оправданным... Будучи антитетически противопоставлено нормативному, с христианской точки зрения, поведению, анти-поведение, выражающееся в сознательном отказе от принятых норм, способствует сохранению традиционных языческих обрядов»⁵. То есть, речь идет о том, что всё это – своего рода «карнавализация» (по М. Бахтину), имеющая сугубо протестный характер, демонстративный эпатаж, не имеющий ничего общего с вульгарной заборной бранью.

В романе Джорджа Оруэлла «1984», ставшем в определенном смысле знаковым текстом, есть эпизод общения главного героя, затурканного жизнью мелкого партийного функционера, с некоей девицей Джулией, которая поражает его не только смелостью поведения, но и смелостью речи: «Членам Партии не полагалось ругаться нецензурными словами, сам Уинстон очень редко матерился, во всяком случае вслух. Джулия же не могла говорить о Партии, не употребляя слов, которые пишут мелом на заборе в глухих переулках. И Уинстону это нравилось. В этом проявлялось ее бунтующее сознание, ее внутренний мятеж против Партии и всей партийной политики, поэтому ругань казалась естественной и здоровой, как фырканье лошади, нюхающей гнилое сено»⁶.

Таким образом, мат – это форма протеста против неких античеловеческих условий жизни, когда только и остается, что посылать всех и вся по известным адресам.

Есть и несколько иная трактовка. Непристойное словоупотребление – это выражение здорового мышления, противостоящего ханжеству и лицемерию устоявшегося быта. «Приапические игрища ... предстают в стихах продолжением античного эротизма; они овеяны античным гедонистическим мироощущением. ... Античность, античный эрос противопоставлены пристойному поведению, пред-

⁴ Ранчин Андрей. Чертовские срамословицы // Стихи не для дам. Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века. — М.: Ладомир, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. — С.9.

⁵ Там же.

⁶ Оруэлл Джордж. 1984. Скотный двор. Сказка. — Пермь: Издательство «КАПИК», 1992. — С.95.

писанному современной моралью»⁷. Уровень принятого и непринятого в обществе в разные времена менялся. Можно вспомнить иронию Н.В. Гоголя, который описывал дам, не решавшихся сказать, что они «сморкаются», а говорят, что они «облегчились посредством платка». То есть, эта трактовка означает, что табуированное слово – тоже протест, только против нездоровых норм морали.

В принципе, для филологического исследования этой проблемы вообще не существует. Анна Андреевна Ахматова в свое время по поводу матерных выражений сказала: «Всё это, батенька, филология». Известный филолог А.М. Пешковский, обобщая проблему, выразился не менее категорично: «Объективная точка зрения на язык диаметрально противоположна обычной, житейской точке зрения... Для лингвиста нет ни «правильного» и «неправильного», ни «красивого» и «некрасивого», ни «удачного» и «неудачного» и т.д. В мире слов и звуков для него нет правых и виноватых»⁸.

То есть, мы имеем полное, научно обоснованное право анализировать некое явление, содержащееся в художественных текстах, даже несмотря на то, что это явление противоречит нормам общественной морали.

Примером такого анализа, а точнее – методики такого анализа может служить позиция одного из патриархов отечественного литературоведения, всю сознательную литературоведческую жизнь занимавшегося отраслью науки о литературе, которая чуть ли не единственная в литературоведении может считаться точной наукой – стиховедением. Не мудрствуя лукаво он систематизировал явление, как любое другое явление литературного текста: «Есть два вида непристойной поэзии: один, пользующийся непечатными словами, другой – заменяющий их иносказательными перифразами. Примером первого могут быть юнкерские поэмы Лермонтова, примером второго – «Царь Никита» Пушкина (эту противоположность наметил еще Б. Эйхенбаум). В первом художественный эффект достигается на языковом уровне: читателю интересно, в какой еще контекст можно будет вдвинуть такое-то и такое-то запретное слово? Во втором – на стилистическом уровне: какими еще способами можно будет обойти прямое название запретного слова? Первый интерес иссякает быстро – как только станет ясно, что пригоден всякий контекст, без исключения. Второй интерес держится дольше – пока обходные маневры не начнут повторяться.

Литература нового времени культивировала преимущественно поэтику второго рода, а фольклор и литература новейшая – поэтику первого рода»⁹.

Примеры можно продолжать до бесконечности. В русской литературе XIX века, кроме упомянутых уже Баркова и Лермонтова, отдавали дань непристойной поэзии Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, М.Н. Лонгинов и ряд других. Собственно, они как раз принадлежат к тем, кого Гаспаров обозначил как приверженцев поэтики первого рода, хотя и творили свои «произведения» в новое время.

Надо отметить, что тематика этих сочинений носит по преимуществу сугубо эротический характер. То есть, употребление нецензурной лексики вызвано необходимостью называния гениталий и связанных с ними действий. Существует целый пласт литературы такого рода, даже собранный в отдельное издание –

⁷ Ранчин Андрей. Чертовские срамословицы // Стихи не для дам. Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века. — М.: Ладомир, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. — С.15.

⁸ Пешковский А.М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. — Л., 1925. — С.114.

⁹ Гаспаров М.Л. Классическая филология и цензура нравов//0000 – С.4.

«Стихи не для дам».¹⁰ Подавляющая часть текстов этого сборника – гимны и оды, если это можно так назвать, детородным органам и вызываемым ими удовольствиям. Авторы в мельчайших подробностях описывают разнообразные процессы получения и доставления телесных утех, впадая подчас в вакханалию буйного воображения. Причем, уровень тщательности физиологических наблюдений даже вызвал у исследователя подозрение, что все это, видимо, не описание действительных переживаний, а некие мечтания и грезы, возникающие сугубо в воспаленном воображении авторов: «Написание непристойных стихотворений для их авторов, возможно, было и средством освобождения от собственных комплексов «сексуальной неполноценности»».¹¹

Говоря о фольклоре, М.Л. Гаспаров имел в виду, очевидно, прежде всего частушки «с картинками», которые до сих пор имеют очень широкое хождение. Любая фольклорная студенческая практика собирает такого материала огромное количество.

Так или иначе, но основным является то обстоятельство, что применение обцененной лексики в данном случае носит характер эротический. Это не матерные ругательства, это, как говорится, просто название вещей своими именами. Поскольку авторы, употребляя эту лексику, не имели в виду оскорбить или унизить кого-либо из персонажей своих произведений.

А именно эта функция применения табуированной лексики – оскорбления словом – имеется в виду, когда она запрещается нормами общественной морали и даже законодательно.

Такого рода словоупотребление также время от времени встречается в художественной литературе нового времени. Применял его Лев Толстой («Крейцера соната»), Владимир Маяковский («Вам» и некоторые другие стихи) и целый ряд других авторов. Но эти случаи были достаточно редки, чтобы говорить об определенной тенденции. Издатели, как правило, стремились обходить инциденты разного рода типографскими и редакторскими хитростями: отточиями, заменой эвфемизмами и тому подобным.

Но именно в новейшей русской литературе употребление нецензурной лексики практически сплошным текстом приобрело характер чуть ли не обвальный. Трудно сказать, кто начал первым. Во всяком случае, первые публикации такого рода пришли из-за границы, в период расцвета перестройки, когда под эгидой «возвращенной литературы» началась кампания «срывания всех и всяческих масок». Очевидно, в числе первых был роман Эдуарда Лимонова «Это я, Эдичка!», в котором не только прямая речь персонажей, но и высказывания нарратора пестрят оборотами разной степени изысканности. Роман вызвал взрыв как негодования, так и восторга, ознаменовав собой в общественном сознании достижение очередной степени свободы, которой так жаждала истомленная эпохой брежневского застоя душа советского человека.

Увидеть в напечатанном в типографии тексте слова, которые раньше писались только и исключительно от руки и на стене общественного туалета – одно это вызывало шок и умиление.

А когда талантливый стихотворец Игорь Губерман начал публиковать свои «Гарики», в которых вся эта лексика была разнообразно зарифмована – это окончательно стало фактом литературы.

¹⁰ Стихи не для дам. Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века. — М.: Ладомир, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. — 416 с.

¹¹ Ранчин Андрей. Чертовские срамословицы // Стихи не для дам. Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века. — М.: Ладомир, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. — 416 с. — С.7-26. — С.8.

Роман Юза Алешковского «Николай Николаевич» с одной стороны принадлежит к той категории текстов, в которых табуированные слова возникают как бы по необходимости, поскольку в этом произведении идет речь о том, как заглавный герой сдает в некоем научном учреждении донорскую сперму. Но вместе с тем Николай Николаевич – человек достаточно бывалый, и для него матерная речь – просто единственный язык, которым он владеет. Он, как говорится, на нем не ругается, он на нем разговаривает. В тех кругах, в которых он провел свою сознательную жизнь, по-другому никто не разговаривает.

Очевидно, что текст, настолько насыщенный матерными выражениями, что практически каждое высказывание повествователя не свободно от них, имел своей целью создание не просто эпатажного эффекта. Алешковский создал особую эстетическую атмосферу, которой трудно найти какую-либо нишу в перечне эстетических категорий, настолько она выламывается из них. Иосиф Бродский попытался нащупать суть этого своеобразия: «В лице этого автора мы имеем дело с писателем как инструментом языка, а не с писателем, пользующимся языком как инструментом».¹²

То есть, можно говорить о том, что Алешковский вышел на уровень максимального правдоподобия, когда отсутствует какая-либо цензура вообще, в том числе – внутренняя эстетическая автоцензура, ставящая перед писателем преграду моральной нормы. Гаспаров вспоминает высказывание древнеримского поэта Марциала, который определил границы необходимости создания такого рода текстов: «Марциал об этой стороне своего творчества выражался однозначно: «пока ты, читатель, будешь такое читать, я, писатель, буду такое писать».¹³ Очевидно, что не будь спроса на такого рода тексты, не возникло бы и предложения. Вопрос по-прежнему в другом: считать ли это литературой художественной?

Ведь чуть позже, в наступившую эпоху постмодернизма, тексты, состоящие большей частью из матерщины, пошли просто косяком. В частности, проза писателя, практически сразу ставшего культовым – Владимира Сорокина, создана по определенному рецепту, неизбежной составной частью которого является нецензурная лексика, возникающая в самом неожиданном месте.

Сам автор по этому поводу говорил: «У меня нет общественных интересов. Все мои книги - это отношение с текстом, с различными речевыми пластами, начиная от высоких, литературных и кончая бюрократическими или нецензурными. Когда мне говорят об этической стороне дела: мол, как можно воспроизводить, скажем элементы порно- или жесткой литературы, то мне непонятен такой вопрос: это всего лишь буквы на бумаге. Текст - очень мощное оружие. Он гипнотизирует, а иногда - просто парализует».

В таких произведениях В. Сорокина как «Сердца четырех», «Норма», «Очередь», «Заседание завкома» и других того же ряда автор занимает принципиально шокирующую позицию. Матерные выражения у него появляются (вместе с жестко эпатирующими реалиями) в самых неожиданных местах. То есть, они выполняют, в отличие от текстов Алешковского, где мат – всего лишь необходимая дань естественному речевому этикету его героев, четко определенную эстетическую функцию эмоциональной вспышки в сознании читателя. Например, в романе «Сердца четырех» есть некий ветеран войны и труда, который, разговаривая с подростком, ведет вполне патриотические речи – и вдруг интересуется у мальчика, вступал ли тот уже в интимные отношения со своими ровесницами (разумеется, спросил он это гораздо короче). И вся беседа приобретает в даль-

¹² Бродский И. Он вышел из тюремного ватника // Юз Алешковский. Антология сатиры и юмора России XX века. Т.8. — М., 2000. — С.7-13. — С.12.

¹³ Гаспаров М.Л. Классическая филология и цензура нравов //000 – С.5

нейшем отчетливо фантазмагорический оттенок, постепенно сползая до уровня кошмарного сновидения.

Таким образом, можно утверждать, что в новейшей литературе действительно активную роль играет нецензурная лексика, выполняя при этом двоякую функцию: с одной стороны – это введение в понятие художественной речи тех пластов языка, которые как бы завершают, доводят до конца правдоподобие речевого антуража (например, Алешковский); с другой же – мат как художественный прием, призванный своей экспрессивностью вызвать у читателя состояние морального шока, эстетического удара (например, Сорокин).

И в том, и в другом случае можно говорить о табуированной лексике как о неизбежном уже элементе современной литературы. Не случайно на недавнем заседании Государственной Думы России, где принимался целый ряд решений, призванных защитить русский язык в качестве средства коммуникации в многонациональной Российской Федерации, звучали выступления, снисходительно не запрещающие нецензурную лексику в текстах художественных произведений.

Разумеется, эти фрагменты художественного текста как такового существуют достаточно давно. Однако, несмотря на то, что и Пушкин, и Лермонтов слова эти писали в своих текстах, пушкинисты и лермонтоведы упорно делали вид, что ничего этого нет. Действительно, у классиков это были лишь эпизоды, литературное баловство. Теперь же, когда понятие художественной речи, усилиями современных авторов, расширилось настолько, что включает в себя и нецензурную лексику, приходится в процессе анализа учитывать и ее наличие, поскольку она выполняет определенную эстетическую функцию, без которой разговор о самом тексте будет явно неполным.

Впрочем, до сих пор в печатных изданиях присутствует некое табу на цитирование такого рода фрагментов. То есть, говорить об этом уже можно, но называть это по-прежнему нельзя. С этим приходится мириться.